

Д И Флисфедер

Евреи и их учение об иноверцах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Ф72

Ф72 **Флисфедер Д.И.**
Евреи и их учение об иноверцах / Д И Флисфедер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 372 с.

ISBN 978-5-518-07231-2

ISBN 978-5-518-07231-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЗГЛЯДЪ НА ОТНОШЕНІЯ НАШЕЙ ПРЕССЫ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

Странное дѣло, съ тѣхъ поръ, какъ впервые сталъ выдвигаться въ нашей литературѣ еврейскій вопросъ, истекъ порядочный періодъ времени; много существенныхъ вопросовъ было поднято, рѣшено, и, наконецъ, всѣ они канули въ вѣчность, только по одному этому вопросу не успѣли и донынѣ додуматься до окончательныхъ результатовъ, не успѣли еще придти къ опредѣленному рѣшенію. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ евреи выступили на литературную арену и борются энергично противъ предубѣжденій, сложившихся относительно ихъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи; но до сихъ поръ имъ не удалось еще выиграть достаточно твердую почву для полнаго торжества своего дѣла—для уравнинія евреевъ въ правахъ и сліянія ихъ съ кореннымъ населеніемъ отечества. Напротивъ, если сдѣлаемъ бѣглый обзоръ всѣмъ мнѣніямъ, появлявшимся отъ времени до времени по еврейскому вопросу *за* и *противъ*, то окажется, что онъ не только находится въ настоящее время *in statu*

quo, но еще значительно осложнился. Причина такого, на первый взгляд непонятнаго, явления коренится главнымъ образомъ въ томъ, что въ прежнее время съ евреями не церемонились; всѣ обвиненія сводились къ тому безхитростному принципу, что они *жиды* и проч.; теперь же признано недостаточнымъ и неприличнымъ опираться прямо на національнѣйшій враждѣ, а поэтому изобрѣтено множество модныхъ теорій, въ которыхъ весьма удобно пріютилась та же племенная ненависть, лишь подъ новой оболочкой. А такъ какъ, если смотрѣть на дѣло съ широкой, гуманной точки зрѣнія, существованіе еврейскаго вопроса въ настоящее время должно бы считаться анахронизмомъ, то слѣдовательно, когда намъ представляется обратное явленіе, мы вправѣ заключать, что тутъ кроется нѣчто особенное. А это «нѣчто», какъ извѣстно, лежитъ слишкомъ глубоко и теряется во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, а потому понятно, что съ нимъ труднѣе всего и совладать.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы уяснить себѣ вполне, почему евреи на пути въ эмансипаціи наталкиваются на каждый шагъ на неодолимые препятствія, необходимо оглянуться на историческое ихъ прошлое, припомнить себѣ тѣ важные историческіе моменты, которые имѣли такое критическое вліяніе на судьбу ихъ въ Европѣ. Не весело жилось евреямъ всюду, на всемъ пространствѣ земнаго шара, въ длинный 18 вѣковой періодъ со времени потери ихъ національнѣйшей независимости, но всего печальнѣе было положеніе ихъ среди христіанскихъ народовъ, съ которыми они вынуждены были, по роковому

стеченію обстоятельствъ, соединиться и вмѣстѣ съ ними продѣлать исторію.

Съ первой минуты своего господства, съ перваго шага своего самостоятельнаго существованія, церковь стала во враждебныя отношенія къ послѣдователямъ ветхаго за-вѣта, объявила войну безроднымъ скитальцамъ и первая провела ту рѣзкую границу, соорудила тотъ барьеръ между христіанствомъ и іудействомъ, благодаря которымъ сліяніе послѣдователей обѣихъ религій сдѣлалось болѣе невозможнымъ. Съ тѣхъ поръ евреи сдѣлались ненавистными, какъ богоотступники. Этимъ дѣломъ не ограничи-лось. Мало по малу тѣ предубѣжденія относительно ихъ, которыя коренились сначала въ религіозномъ мнѣ-ніи, имѣли, такъ сказать, религіозную окраску, все болѣе и болѣе осложнялись и разрѣшались такъ или иначе подъ вліяніемъ того или другаго общественнаго кризиса. Въ эти смутныя времена, когда инъвизиція съ ея пытками, кострами и тому подобными убѣдительными средствами составляла верховное судилище народовъ—евреи, естест-венно, торчали бѣльмомъ на глазу у католическаго духо-венства, и потому послѣднее при всякомъ удобномъ случаѣ считало богоугоднымъ и спасительнымъ дѣломъ убивать ихъ тысячами, причемъ имущество несчастныхъ конфис-ковалось или же предавалось полному разграбленію фанатической, разнузданной черни. Вслѣдствіе этого внѣш-ній и внутренній міръ евреевъ былъ строго на-стро-го замѣнутъ, они не смѣли выходить изъ тѣсныхъ границъ мрачнаго и удушливаго гетто, развѣ подъ предлогомъ принятія христіанства. И тогда христіане, съ своей точки зрѣнія, были совершенно правы. Исходя изъ того

убѣжденія, что евреи отвержены Богомъ, а потому должны быть презираемы и людьми, разумѣется, принимали ихъ съ распростертыми объятіями, когда они опять обращались къ Богу. Конечно, эти печальныя условія не могли пройти безслѣдно и должны были отражаться какъ на образованіи характера, такъ и на умственномъ кругозорѣ евреевъ, способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ спеціализаціи ихъ труда вслѣдствіе разрыва ихъ съ общимъ строемъ гражданской жизни. А это, въ свою очередь, наложило особый отпечатокъ на нравственныя отношенія въ нихъ христіанъ. Словомъ, подъ вліяніемъ этихъ условій, сложился тотъ обособленный еврейскій типъ, который казался такъ комиченъ ихъ врагамъ и служилъ предметомъ для застращиванья дѣтей, чему въ особенности обязана своимъ упорнымъ существованіемъ вѣковая традиція о евреяхъ.

Дѣйствительно, подверженные всѣмъ превратностямъ судьбы, запертые наглухо въ такъ называемомъ жидовскомъ гнѣздѣ, евреи лишены были возможности развертывать свои здоровыя силы на всѣхъ стадіяхъ общественнаго устройства и должны были сосредоточивать всѣ свои заботы исключительно на томъ, чтобы обезпечить свою національную самостоятельность, насадить на прочныхъ началахъ среди своихъ единовѣрцевъ основы іудаизма и создать такимъ образомъ крѣпкій оплотъ внѣшнимъ случайностямъ и насиліямъ, все же остальное въ мірѣ для нихъ не могло и не должно было существовать. Въ такомъ положеніи застала ихъ первая французская революція, которая сразу отбросила узкіе національные предрасудки и, провозгласивъ принципъ

равноправности, братства и свободы, подняла ихъ на уровеньъ гражданственности. Правда, заря новой эры для евреевъ еще гораздо раньше стала заниматься на политическомъ горизонтѣ Германіи, предвозвѣстникомъ которой явился бессмертный геній Лессинга. Но лучи ея были слишкомъ слабы, чтобы разсвѣять густой непроницаемый мракъ невѣжества среднихъ вѣковъ, и потому французской революціи, по справедливости, принадлежитъ всецѣло честь этого великаго гражданскаго, политическаго и человѣческаго акта во всемирной исторіи.

Мало по малу, по примѣру Франціи, эмансипація евреевъ стала проникать въ сознание многихъ западно-европейскихъ обществъ и начала вытѣснять изъ законодательствъ старинныя варварскія относительно евреевъ законоположенія, и вотъ ужъ теперь мы находимъ тамъ евреевъ даже на такихъ ступеняхъ человѣческой дѣятельности, которыя доступны лишь немногимъ избраннымъ. У насъ же, съ присоединеніемъ Польши, перешедшіе въ русское подданство евреи еще не успѣли очнуться отъ долго тяготѣвшаго надъ ними польскаго ига, а тутъ, какъ на обѣду, тѣ-же польскіе дѣятели стали у кормила нашего государственнаго правленія и пересадили на рускую почву понятія и воззрѣнія на израильское племя, которыя существовали въ Рѣчи Посполитой *). Литера-

*) Со временъ Рѣчи Посполитой евреи были спутниками панскаго владычества и служили помѣщикамъ необходимымъ орудіемъ для извлеченія доходовъ изъ своихъ имѣній. Вслѣдствіе этого мысль Екатерины объ устраненіи этого зла и обращеніи этого способнаго народа въ полезныхъ и истинныхъ

тура же наша, находившаяся въ ученичествѣ у французской, вмѣстѣ съ тѣмъ состояла въ нахлѣбничествѣ у тѣхъ-же магнатовъ, подъ эгидой Оаддея Булгарина, самаго заклятаго врага евреевъ. И такъ, помимо тѣхъ неблагопріятныхъ взглядовъ, которые господствовали на Руси *) по отношенію къ евреямъ до того времени, къ нимъ присоединилась еще и польская о нихъ традиція, что, конечно, послужило основаніемъ многимъ послѣдовавшимъ законодательнымъ мѣрамъ въ самомъ ограниченномъ духѣ.

русскихъ гражданъ, обработанная и утвержденная при Александрѣ I, *не дошла до исполненія* стараніями Чарторыйскаго (Ратчъ, т. 1, стр. 53).

*) На пятый или шестой день по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ. Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуживать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ единогласно признали полезнымъ это допущеніе; но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъяснить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ, князь Одоевскій: онъ всталъ и сказалъ: «Прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ Вашему Величеству посмотреть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елизавета?» Рѣшеніе это гласило: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли». Для успокоенія умовъ, въ особенности духовенства, послѣ такого великаго переворота, начать съ допущенія евреевъ было неудобно, объявить же оное *вреднымъ было. тоже невозможно*. Екатерина, когда генераль-прокуроръ собралъ голоса и подошелъ къ ней за ея рѣшеніемъ, сказала ему: «Я желаю, чтобы дѣло это было отложено до другаго времени». «Такъ то нерѣдко случается», — прибавляетъ великая Императрица, «что недостаточно быть просвѣщену, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ

Но съ тѣхъ поръ, какъ наша литература стала, если можно такъ выразиться, на собственныя ноги, когда она вступила въ болѣе зрѣлый періодъ своего развитія, произошелъ рѣшительный переворотъ во всемъ ея направленіи. Она стала всматриваться ближе, изучать основательнѣе и глубже много явленій, считавшихся прежде окончательно рѣшенными, сбросила съ пьедестала много прежнихъ литературныхъ корифеевъ, и въ скоромъ времени критикой пропѣто было «за упокой» авторитету Булгарина и всей его честной компаніи. Съ тѣхъ поръ наша пресса была зорко охраняема критикой и стояла очень близко къ рѣшенію той прекрасной задачи, которая составляетъ лучшій удѣлъ всякой современной литературы, служащей учителемъ и руководителемъ того или другаго общества. Главныя ея стремленія были направлены на то, чтобы сдѣлать возможнымъ сліяніе разрозненныхъ элементовъ населенія отечества въ одинъ общій государственный организмъ, оставивъ имъ свободу самостоятельной индивидуальной жизни лишь въ сферѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій, — короче, мы находимъ ее тогда на зенитѣ своего истиннаго величія и призванія. Такъ, въ 1858 году, когда съ запада повѣяло свѣжестью новыхъ либеральныхъ идей, 100 русскихъ лите-

толкамъ.» (Разск. Екат. II о св. цар., «Русскій Арх.» 1865 г., стр. 492).

Но, какъ извѣстно, это «другое время» никогда не наступило. Чарторыйскій и другіе приближенные Екатерины II и Александра I, заинтересованные въ польскомъ дѣлѣ, старались парализовать лучшія намѣренія и проекты этихъ двухъ царствованій относительно евреевъ.

раторовъ составили даже протестъ противъ употребленія въ журналистикѣ слова «жидъ».

Но увы, наши иллюзіи продолжались не долго: вскорѣ наступила реакція, и вчерашніе либералы кинулись стремглавъ въ бѣшеный потокъ реакціоннаго направленія. Съ этого времени наша періодическая пресса, за исключеніемъ ея лучшихъ представителей, какъ бы забыла азбуку всякаго соціального прогресса и обратилась вновь къ обветшалому и заржавѣлому оружію противъ евреевъ. Съ тѣхъ поръ она вступаетъ въ антагонизмъ съ духомъ и требованіями времени и до настоящаго времени никоимъ образомъ не можетъ похвалиться безпристрастіемъ и честностью по отношенію къ еврейскому вопросу. Она сдѣлала уклоненіе отъ предначертанной ея даровитыми учителями программы, что рельефнѣе всего отразилось на этомъ злополучномъ вопросѣ. вмѣсто того, чтобы двигать общественное мнѣніе впередъ къ усвоенію великихъ принциповъ человѣчества — равноправности и др., она попятилась назадъ, во времени господства возрѣвнѣй Булгарина, обрестивъ ихъ именемъ новаго авторитета Брафмана. вмѣсто того, чтобы группировать факты, по ихъ значенію, въ надлежащія категоріи, подводитъ тѣ или другія уклоненія отъ установленной нормы подъ одну общую рубрику, наша пресса прибѣгаетъ къ устарѣлымъ приемамъ односторонности и индуктивнаго метода, чуть дѣло касается евреевъ и, отмѣчая такія аномаліи особымъ колоритомъ, прикидываетъ къ нимъ совершенно другой, имѣющійся у нея для этой цѣли, масштабъ. Подобныя отношенія печати къ еврейскому вопросу съ особенной ясностью обозначаются въ томъ случаѣ, когда съ

нимъ связано понятіе о землевладѣніи или арендованіи евреями земли въ юго-западномъ краѣ. Казалось бы, если, вслѣдствіе какихъ бы то ни было государственныхъ соображеній, признано необходимымъ дать перевѣсъ въ данной мѣстности господствующему населенію надъ другимъ, роль литературы должна заключаться въ томъ, чтобы подходить съ осторожностью къ каждому факту, подвергать его всестороннему анализу и взвѣшивать все данныя, которыя могутъ имѣть то или другое вліяніе, какъ на ходъ самой реформы, такъ и на экономическое положеніе вытѣсняемаго элемента. Не такъ, однакожь, посмотрѣла на дѣло наша періодическая печать. Ревнители обрусѣнія юго-западнаго края, посредствомъ покупки имѣній лицами русскаго происхожденія, считаютъ главнымъ тормазомъ этой реформы еврейскій элементъ, не желая вникать въ условія гражданскаго быта евреевъ, гдѣ можно запутаться среди множества противорѣчій и несообразностей, и опасаясь въ то же время ринуться въ бездну глубокихъ соображеній о вліяніи здѣсь также другихъ, совершенно побочныхъ обстоятельствъ. Они, не колеблясь, рѣшили, что евреи неблагонадежны для края въ политическомъ отношеніи на томъ-де основаніи, что, — по ученію Брафмана — составляютъ отдѣльную, замѣнутую общину, съ своей особенной автономіей; что они вредны для края, какъ эксплуататоры, порабочая или завабаливая вѣрстань; наконецъ, что они не должны быть терпимы, вслѣдствіе солидарности ихъ съ поляками, хотя это противорѣчитъ тому же ученію Брафмана, приписывающему евреямъ такую организацию, которая окружаетъ весь міръ Израіля какъ бы

железнымъ поясомъ, такъ что внѣ кагала нѣтъ интересовъ.

Особенное усердіе въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ провинціальныя органы, наполняемые корреспонденціями изъ отдаленной глуши, гдѣ уровень образованія евреевъ довольно низокъ, а общественное мнѣніе христіанъ не только не свободно отъ массы предрасудковъ, но еще недостаточно окрѣпло и созрѣло для умственной гимнастики; слѣдовательно, здѣсь отърывается широкій просторъ для дѣятельности въ анти-еврейскомъ духѣ. Впрочемъ, и нѣкоторые столичные органы печати отнюдь не отстаютъ отъ своихъ провинціальныхъ сподвижниковъ въ походѣ на жидовъ; причемъ роль запѣвалы въ этомъ хорѣ публицистовъ безспорно принадлежитъ «Голосу».

Конечно, никто не станетъ спорить о томъ, что бытъ евреевъ въ Россіи, въ особенности въ чертѣ ихъ осѣдлости, представляется въ весьма неутѣшительномъ видѣ, какъ по внѣшнимъ своимъ проявленіямъ, такъ и по внутреннимъ злокачественнымъ признакамъ. Но мы знаемъ изъ исторіи, что язвы, гнѣздящіяся въ еврейскомъ организмѣ, чисто привитаго характера и достались имъ въ наслѣдіе, по прямому завѣщанію, отъ сѣдой старины, когда евреи, вслѣдствіе грубости тогдашнихъ нравовъ и жестокости законовъ, не играли ровно никакой гражданской и политической роли; и намъ опять извѣстно изъ опыта новаго времени, что это зло поправимо, стоитъ только искренно и честно взяться за дѣло. Слѣдовательно, еслибъ наша литература по отношенію къ евреямъ вступила на путь единственно вѣрный и удобный для безпристрастной дѣятельности, то она не стала бы обстав-